
Ольга Набережная

Эльга — мечта моя

Рассказ

— Ну давайте знакомиться, Елена Олеговна. Очень рад, что ваше резюме мы отобрали, рассмотрели, и вот — вы у нас, — директор по кадрам, радушно улыбаясь фарфоровыми зубами и потряхивая крашеной челкой, распростер руки мне навстречу.

Я посмотрела сначала на безукоризненной чистоты зеленую ковровую дорожку, отполированную пылесосом, потом перевела взгляд на свои «вездеходы» с налипшими кусками грязи на тракторной подошве. Блин, не успела заехать на квартиру переодеться. Вот тупица! Даже не подумала.

— Да, Дмитрий Игоревич, не беспокойтесь. Я на квартиру не заехала, — с сомнением еще раз глянула на ботинки.

Дмитрий Игоревич встрепенулся, выпрыгнул из кресла и понесся в своих лакированных, шегольских туфельках ко мне.

— Ох, какие пустяки! Все вымоют, все почистят, не переживайте, — он аккуратно взял меня за локоток и повел к столу.

— Присаживайтесь, — директор усадил меня, потом уселся сам и уставился, в упор изучая. Мне стало неловко. Я же не картина, чего уставился-то. А он, видимо, заметив мое замешательство, улыбнулся.

— Я именно такой вас и представлял! — Дмитрий Игоревич опять одобрительно сверкнул зубами.

Хм. Интересно, какой — такой? Ну да, я девочка крупненькая, кровь с молоком, как раньше говорили, да и ростом мама с папой не обидели.

— Вы уж простите меня, не так часто видишь женщину, которая танки водит, — зарделся Дмитрий Игоревич, заметив мой вопрошающий взгляд.

— Ну, допустим, не танки, а вездеходы, — я усмехнулась. — Две большие разницы, знаете ли.

— Да я понимаю, понимаю. Тем более, мы вас выбрали не для этого, — зачастил директор.

Опаньки! Интересно, а для чего. В резюме так и написала — имею дело с большой техникой, много работала на Севере. В общем, послужной список у меня — будь здоров, товарищ директор. Не в мягких креслах сидела. И по тундре с котелком

Набережная Ольга (Штыгашева Ольга Геннадьевна), преподаватель филологического факультета СВФУ, автор сборника рассказов «На ять». Рассказы печатались в журналах «Полярная Звезда», «Луч», «Дальний Восток» и др. Золотой лауреат международного литературного конкурса «Большой финал» (2019). Живет в Якутске.

наперевес покочевала, и поголодала, когда непогода завоз застопорила, и с рыбаками северными немеющими пальцами невод тащила... Я задумалась, вспомнив свое резюме по пунктам. Много пунктов.

— А не хотели бы вы быть нашим торговым представителем по оборудованию? Не хотите себя в этом амплуа попробовать? — выплыл в реальность бодрый голосок Дмитрия Игоревича. — А что? Вы бывалый северник, опыт у вас есть. Трудностей вы не боитесь, — продолжал лить елей директор. Пришлось его остановить.

— А чего делать-то надо? — я устала от дороги, хотелось поскорее снять с себя это дикое, мужицкое обмундирование, залезть под горячий душ и завалиться спать. Путь от Новокузнецка до Нерюнгри дался мне непросто. Я вымоталась, и на любезности элементарно не хватало сил.

Директор хитро прищурился.

— А мне нравится ваш настрой. И это правильно! Чего рассусоливать-то, — директор шустренько выложил передо мной бумажки.

Я на бумажки даже не взглянула. Не люблю, когда на вопрос мне бумаги суют. Ответить же можно по-человечески. Я листочки отодвинула.

— Ну? Делать что надо будет?

Дмитрий Игоревич снял очки, потер переносицу в задумчивости.

— Ну как бы вам это сказать, Елена Олеговна, продавать вам ничего не придется. Вы только будете проверять настройку и работу нашего оборудования на местах. Наблюдать за эксплуатацией, грубо говоря.

Увидев мою кислую мину, директор замахал усиленно руками.

— Да вы не подумайте чего, зарплата чудесная. Свежий воздух, свобода передвижения, еда и переезды за счет компании... — он помялся пару секунд. — Понимаете, народ боится расстояний, неухоженности, бытовок. А у вас опыт, — он вперил в меня горячий взгляд. — Ну соглашайтесь, а? — Дмитрий Игоревич совсем сник, но марку держал — взгляда не опускал.

Я задумалась. А что я, собственно, теряю? Не знаешь — научим, не можешь — заставим, как говорится. Если впаривать оборудование, как моющие пылесосы, не придется, то почему бы и не попробовать? То же самое мотание, только уже с зарплатой и на полном обеспечении. Красота! Про эту компанию я знала немного. «Metco». Чего-то там предоставляют для перерабатывающих отраслей. Вроде, покупают патенты, потом по ним делают машины и какие-то технологии. Серьезно все. Головной офис в Питере, а компания финская. Я почему туда и отправила резюме, что им нужны были типа испытатели для крайнего Севера. А мне уже так припекло, что я хоть в летчики подалась бы, если б взяли...

— Ну хорошо, давайте попробуем, — я решила. — Только вы обещаете, что научите меня, как проверять оборудование?

— Конечно, деточка, конечно! — радостно воскликнул Дмитрий Игоревич.

На том и порешили.

Две недели я проходила стажировку в ангарах, специально приспособленных для испытаний. Ну моща, скажу я вам! Я даже в какой-то момент увлеклась своим новым занятием. Главное — мне стало интересно. Вот стоит такая машина с камерами, штурвальчиками, циферблатиками какими-то, а в ней шуршит что-то, словно гречку невидимые человечки внутри перебирают. А это, оказывается, дробеструйная камера. Нужная в хозяйстве вещь, однако. Или, например, насос, который воду из породы отсасывает. Не насос — просто насосище! При своих метр восемьдесят я на его фоне карликом смотрюсь. И мастер мне понравился. Хороший такой дядька, старой закалки. И что интересно, терминами не разговаривал — все на доступном человеческом языке.

— Вот берешь эту фиговину, засовываешь вот в эту фиговину, потом тумблером финачим на нужную температуру, и зашибись получается.

— Игнат Степаныч, — я улыбаюсь. — А если зафигачим не ту температуру или давление упадет?

— Трындец тогда, девка, всем трудам. Обратно воду фигачить начнет.

В душе я над ним ржала, конечно. Точнее, над его объяснениями. Если в слове «фигня» и в словах, производных от него, заменить буквы «ф» и «и» на «х» и «у», получится примерно практическое занятие Игната Степаныча. Ну и «трындец», понятно, по-другому произносился. Сказать, что я первый раз такие слова слышала, сильно лукавить. Зато понимала все с полплевка. Да и умел он передать необыкновенное уважение и любовь к машинам так, что мне самой уже хотелось погладить турбину по теплему бочку, сказать перед запуском ласковое слово. Даже не ожидала от себя такой сентиментальности...

Время пролетело, словно приправленное острым перцем. Я толком город-то не успела посмотреть. Но подсознательно возникло ощущение какой-то блеклой серости, неприветливости. Бесцветные дома, уныло спешащие по своим делам люди. Только это и успевала разглядеть, пока на работу ехала. Может, время осеннее виновато. Сентябрь. Дожди, мелкие, противные, невеселые, да пронизывающий ветер. Я уже, было, начала киснуть в этой сентябрьской хляби, как однажды меня вызвали в контору. Дмитрий Игоревич вызвал. Ну хоть какое-то разнообразие в моей машинно-размеренной жизни.

— Вызывали, Дмитрий Игоревич? — я в жизнерадостном напоре, стараясь подавить на лице уныние, которым я, видимо, заразилась, как гриппом, ворвалась в кабинет.

— О, Елена Олеговна, жду вас. Присаживайтесь, — директор по кадрам сосредоточенно перебирал бумажки на столе и явно хотел мне сказать что-то не очень приятное. У меня сердце упало в коленки. Что не так?! Что я сделала не так?! Неужели не возьмут?

— Ну не томите уже, Дмитрий Игоревич, что случилось? — бесцветным голосом спросила я. В горле вмиг пересохло. Мне край как была нужна эта работа...

— Понимаете, Леночка, — начал издали директор, а мне от этого «Леночка» стало еще хуже.

— Ну! — сил моих терпеть эту пытку не стало.

— Ну что вы нукаете? Я же и говорю. Командировка вам предстоит первая. Но на Эльгу, — Дмитрий Игоревич весь вспотел. Достал платочек и, не глядя на меня, стал старательно тереть за воротничком рубашки.

Блин, я не ослышалась? На Эльгу?? Сердце из-под коленок взметнулось на свое место и радостно затрепыхалось. Господи! Эльга! Мечта жизни! Да я с детства от родителей, оба геологи, слышала об этом самом таинственном, почти мифическом месторождении черного угля. И как случайно было найдено, и запасов там якобы на полтыщи лет. Да и место самое живописное и суровое одновременно. Я всегда с жадностью ловила крупницы любой информации об Эльге. Родительская геологическая романтика въелась в меня, по-моему, еще в эмбрионном состоянии, поэтому Эльга стала для меня неким жизненным ориентиром, путеводной голубой звездой мечты, которая звала в дорогу, но не рассказывала, как туда добраться. И тут — такое!

— Миленький вы мой! Голубчик дорогой Дмитрий Игоревич, да я согласна! — я кинулась на шею оторопевшему от такой поросычьей радости директору.

— Но позвольте, Елена Олеговна, чему вы так радуетесь? — директор высвободился из моих объятий и поправил галстук, съехавший на бок от моего порыва. — Почти двенадцать часов на поезде, потом на вахтовках. Гостиница, правда, есть. Но интернет через раз. И люди, я вам скажу, не высшее общество, — он словно меня уже пытался отговорить.

— Да плевать! — мысль о том, что скоро окажусь на Эльге, просто свела меня с привычных, размеченных на многие дни рельсов. — Когда ехать?

Дмитрий Игоревич все еще с удивлением на меня посматривал, но в чувство пришел.

— Поезд завтра, в шесть утра. Инструктаж пройдет сегодня у Степаныча, он покажет вам машины, с которыми придется там работать. Не разделяю вашего энтузиазма, признаться, думал, что уговаривать придется. Все-таки такая тьмутаракань. Но прошу вас, без фанатизма, — Дмитрий Игоревич как-то обеспокоенно глянул на меня, словно провожал в последний, смертный бой. — Удачи!

Мы пожали руки, и я помчалась в бухгалтерию — получать командировочные...

Дура дурацкая. Если бы я знала тогда, какое разочарование принесет исполнение моей мечты. Как часто наши желания и чаяния далеки от действительности. Но мы с упорством Сизифа пытаемся к ним приблизиться. И когда наша мечта встанет на пороге и откроет в дверь, мы в недоумении спрашиваем себя — а что в ней было такого необыкновенного и привлекательного? Но таково качество всех мечт — рано или поздно они сбываются...

Колеса мерно стучат-постукивают, напевают свою заезженную десятилетиями рельсовую песенку — тыдым-тыдым-тыдым. Едем уже два часа, а мне никак не удастся заснуть. Всю ночь перед отъездом проворочалась, повторяя мысленно инструкции Игната Степаныча. Волнительно стало. А вдруг не справлюсь, а вдруг прогляжу чего-нибудь, машину испорчу. Ох, тяжела ты, шапка Мономаха. С красными от бессонницы глазами кролика примчалась к поезду. Хорошо хоть чемодан на колесиках. Тяжеленный, зараза. И куда столько набрала на десять дней?! Самое необходимое. И этого необходимого набралось килограмм на десять. Вторые ботинки, сапоги, теплая куртка (а вдруг там погода испортится), пара свитеров, любимый охотничий нож — отец подарил после первой охоты. Ну и по мелочи. А, еще бутылка армянского коньяка. Ребята из офиса подогнали, узнав, что я еду на Эльгу. Говорят, мол, без этого не выдержишь. Дураки какие-то! Плохо они меня знают...

Еле вперла свой хозмаркет на колесах в поезд и покатила искать свое купе. Твою ж дивизию! То ли компания пожопилась, то ли поздно спохватились, но мое двенадцатичасовое жилище оказалось в аккурат возле туалета. В компании трех вахтовиков неопределенного возраста, но с вполне определяемым недельным, как минимум, перегаром. На мое вторжение никто не обратил внимания. Рассевшись на нижних полках, мужики с азартом резались в «дурачка», неторопливо потягивая пиво прямо из бутылок. Я негромко кашлянула. Шесть пар глаз, как по команде, оторвались от карт и уставились на меня.

— Опана! Вот это краля! — встрепенулся который помоложе, в засаленной бейсболке и рваной под мышками растянутой кофте. Остальные молча меня разглядывали.

— Шары не сломаете, граждане? — я разозлилась. — А то могу помочь отремонтировать потом. Лучше чемодан помогите закинуть.

Этот, в бейсболке, подскочил, разогнал мужиков с места и засунул мой багаж в нишу.

— Спасибо, — буркнула я и забралась на верхний лежак. Пока залезала, каждой клеточкой затылка ощущала на своей заднице тяжелые, липкие взгляды. Неприятно все это. Надо быть настороже. А мужики после недолгого замешательства, вызванного моим появлением, продолжили игру, тут же забыв о моем существовании. Ну во всяком случае, мне так показалось. Я закрыла глаза. Это что — первое испытание? Тьфу, а не испытание. Мужики — тоже люди. Можно договориться. Тем более, не остывшие еще они от терпкого тепла своих женщин. Все пучком. Прорвемся. Я задремала. Привиделся отец, старательно выскребающий подливку корочкой хлеба с тарелки. Мама с умилением смотрит на него, а потом буквально выдирает эту корку изо рта и кидает в окно, под которым поскуливает дворový пес Персик, выпрашивая подачку. Я понимаю, что мама не может так поступить и сильно удивляюсь, почему мама любит Персика больше папы. Потом непонятно откуда появляется Степаныч,

размахивающий гаечным ключом и орущий мне в самое ухо: «Ты за кого меня держишь, щенок малолетний?! Тебя мама не учила, что старших нае...вать нехорошо?!» Попытаться разобраться во сне, почему я — «щенок малолетний» не успеваю, ибо сон как неожиданно пришел, так неожиданно и закончился.

— Ты за кого меня держишь, щенок малолетний! Тебя мама не учила, что старших нае...вать нехорошо?! — этот риторический вопрос, как ему и полагается, остался без ответа. Я свесила голову. Над засаленной бейсболкой стусились тучи в виде обманутого старшего поколения. Руки в наколках всплошную. Бритый затылок, покрывшийся багровыми пятнами. Явно координация нарушена. Ну и восприятие действительности соответственно. Вмешаться, что ли? Такой бык один раз даст — второй уже лишним будет.

— Да ты че, на, Семён, на, да это король козырный, не гони пургу, на, — испуганно огрызнулся молодой.

— А ну цыть. Ишь, петушок, фуйню мне тут лепит. А ну, выворачивай карманы. И запил завали. Не, ну че за беспредел, на, братва, — татуированный, казалось, даже расстроился.

Офигеть! Хотелось выругаться, как Игнат Степаныч. Это маршрут Нерюнгри—Эльга или тюремная камера с особо опасными?!

Уже много времени спустя мне сказали, что очень часто на вахту набирают рабочих с уголовными навыками и умениями. Им платить можно меньше, да и выбора у них нет...

Я забила в угол. Вмешиваться расхотелось. Спать — тем более. Просто лежала с закрытыми глазами. Внизу страсти поутихли, видимо, быкаря убедили, что это действительно был козырный король. Послышались мирное бульканье и глухой стеклянный стук бутылок за мир во всем мире и отдельно взятом купе. Глаза слипались, а сон не шел. То ли разволновалась, то ли подсознательно страх держал. Было ощущение натянутой струны — того и гляди лопнет. Сказывались бессонная ночь и разномастная компания рядом. Кино, что ли, посмотреть. Но интернет пропал, фильм никак не мог загрузиться, и я плюнула на это дело. Книжку надо было взять. А колеса все стучали и стучали, успокаивая и уговаривая, что страхи мои напрасны и что скоро я попаду в Эльгу. И это скоро с каждым постукиванием неотвратимо приближалось...

Ближе к прибытию на пассажирах сказался дневной прием жидкости. Особенно на тех, кто подлакивал весь день пиво. Двери туалета щелкали беспрерывно в общедоступной слышимости. Казалось, все соки мира, чай и кофе, пиво и минералка сосредоточились именно в этом поезде в соседних купе. В воздухе повис стойкий запах аммиака. Блин, воняло, как в общественном сортире. Я уткнулась носом в подушку, стараясь дышать ртом. Спутников моих этот дорожный конфуз, казалось, не беспокоил. Один уже сошел с дистанции и мирно посапывал, оставшиеся двое еще цеплялись за жизнь, не различая карточных мастей, но ориентируясь в пространстве на количество недопитых бутылок. Переваренное организмом пиво тоже не давало им покоя, чтобы забыться в ангельской безмятежности сна.

Решила пойти покурить, хоть воздуха свежего глотнуть. Я спустилась вниз, накинула куртку и вышла в коридор. Народ мало-помалу утомился, укладывая вещи или просто отдыхая. Только по давно уже намеченной траектории шли к заветному помещению пивные зомби. Я вышла в тамбур. Закурила. Сентябрьские сумерки уже захватили в свои цепкие ручки и небо, и окрестности за окном. Слабо светила аварийная лампочка над головой. Странное ощущение возникло. Какой-то совершенной оторванности от внешнего мира. Что я здесь делаю? Куда еду? Моя теплая постелька, мои уютные тапочки с помпонами, мой ежеутренний крепкий кофе — где вы? Каждый раз, когда меня в очередной раз несло в какую-нибудь авантюру, я задавала себе эти вопросы. Но и тогда, и сейчас у меня не было и нет на них ответа. Нет. Неправда. Сейчас ответ был. Я еду знакомиться с Эльгой. И для меня это важно. Очень важно...

Дверь резко открылась. Я от неожиданности вздрогнула. Проводница.

— А мы че, законов федеральных не знаем? Че курым-то в поезде? — фея дороги, тесня меня мощным бюстом, втиснулась в тамбур.

— Че, протокол составлять бум? — она наставила на меня ярко-голубые перламутровые веки с махровыми от чрезмерной туши ресницами.

Блин. Принес же черт.

— Не, не бум протокол составлять, — я улыбнулась как можно шире и доброжелательней.

— Ну тогда чай заказывай, — деловито сказала проводница, не реагируя на мою щенячье-заискивающую жизнерадостность.

— Конечно! Чай так чай, — я обрадовалась, что сей монумент пошел на контакт. На фига мне эти протоколы.

— Че, и шакаладу возьмешь? — подозрительно прищурилась небесной голубизной века тетка.

— И шоколад возьму. И сухарики есть? — я пошла ва-банк.

— Шас все в купе принесу, — наконец-то растаяла в улыбке шантажистка и, хлопнув пудовой ручищей меня по плечу, добавила: — Ты куры, куры скока влезет. Твое ж здоровье, не мое. Вот тока законы нарушать нельзя, — и крутнув нижним пьедесталом, грузно поспешила за чаем.

Нда. Законы нарушать нельзя. Если только чаем со сникерсом их не заесть.

Мои колоброды уже храпели, когда я вернулась. Вонь стояла душегубная в купе. Запах мочи из туалета и пивной перегар. Шедевальная смесь! Аж глаза режет. Расплатилась с проводницей. Батончик при таком антураже съесть не смогла. Просто попила чаю. Совершенно безвкусного. Вместо сухариков мне впарили баранки, которые тоже грызть не хотелось. Два часа ночи. Еще ехать и ехать. Надо заснуть. Я ворочалась с бока на бок, считала слонов и овец, вспоминала стишки детские. Но слоны и овечки разбрелись по лугам и долам, стишки крутились в голове самые дурацкие, и я снова крутилась на полке, как юла... Кажется, задремала все-таки. А часов с пяти снова захлопал туалет. Подали признаки жизнедеятельности мои соседи по купе, утоляя жажду и обратный процесс одновременно. Да что ж такое-то! Сколько я уже без нормального сна? Голова гудела, двигаться не хотелось вообще. Проводница догадалась открыть в тамбуре окно, и свежий ветерок, унося накопленные за день миазмы, весело прокатился по купе. Еще чуть-чуть. Чуть-чуть потерпеть. Мои спутники, хмуро переругиваясь, закусывали дубовыми пирожками с чаем. Пиво кончилось. Через несколько часов начнутся монотонные, заполненные суровой работой будни на вахте. После выпитого это ощущается как никогда отчетливо. Эх, бедолаги...

Я съела батончик, запила холодным чаем. Пошла покурить. С видом человека, выкупившего индульгенцию на законных основаниях, демонстративно продефилировала мимо перламутровоокой проводницы в тамбур. Она проворно засеменила за мной.

— А че, чай не будешь брать? Чаю надо попить на дорожку, — нагло пляясь на меня, сказала путевожатая.

— Не, не буду. Невкусный он у вас. Деньги на ветер, — я усмехнулась.

— Аааа, ну тогда протокольчик составим, — проводница порылась в необъятных просторах фартука и проворно достала блокнот с ручкой.

Вот как же достали эти коробейники с дороги! Ну шантаж же чистой воды.

— Составляйте на здоровье! Я что нарушила-то? Напомните, пожалуйста, — я ловко шелкнула пальцем, и окурок с беспечной готовностью полетел в окно. Тетка растерялась.

— Да как же? Ты ж курыла же здесь. Я ж видела, — расстроилась блюститель федеральных законов.

— Я-я-я? Я курила?? Да я сигареты отродясь в рот не брала. Придумываете вы,

тетя, напраслину, — я спокойно прошла мимо хватающей воздух от возмущения тетки. Задолбали! Хотите по-хамски? Да ешьте с булочкой на здоровье.

В купе, перешагнув через рюкзаки и сумки вахтовиков, которые готовились к высадке, молча залезла на полку. Настроения — ноль. Может, подремать удастся.

Удалось. Какая-то нервная и беспокойная дрема была. Вроде сплю, а все слышу. Как ни странно, но неумолимо приближающаяся вахта воспитует и организует. Уж не знаю, какие у них там санкции на похмелье. Ближе к шести заелозили опять, сонно двигаясь и вяло переругиваясь. Я тоже скинула остатки сна и бодро поскакала умываться. Через пятьдесят минут прибываем. В душе образовался приятный энтузиазм и совершенно необъяснимый оптимизм. Видимо, от скорой встречи с Эльгой. Я глянула в окно. Серые, туманные сопки и бесконечная тайга. Ярко-оранжевые карьеры уже потеряли четкие контуры в вечернем свете. Приехали. Поезд медленно затормаживал движение. А мне не терпелось выскочить. Вдохнуть этот воздух. Воздух мечты. Все тот же парень в бейсболке помог мне выкатить чемодан и исчез в толпе вахтовиков, ищущих свою вахтовку. Низкое небо буквально придавило меня своей свинцовостью. Я вобрала в легкие побольше этой сентябрьской изморози и закашлялась.

— Это пыль, девушка, пыль. Привыкните, — кто-то дружески хлопнул меня по плечу.

Я обернулась. Парень с веселой улыбкой. Рюкзак на плече. Приличный, вроде. Без привычного уже многодневного амбре.

— Какая пыль?

— Как какая? Каменно-угольная, — ответил незнакомец и тоже исчез в толпе.

Я сподручнее обхватила ручку чемодана и побрела к таможене. Таможня здесь обязательна. Мало ли. Может, я наркоту привезла. Или шпион, например. Взорвать хочу чего-нибудь. Типа, миссия у меня такая. Это понятно. Я пристроилась в очередь.

— Слышь, краля, у тебя спиртное есть? — неожиданно в самое ухо раздался знакомый голос. Опять этот, в бейсболке!

— А че? — я подозрительно прищурилась.

— Да ниче! Если есть — давай. Я пронесу, — осклабился прокуренными зубами. — Нельзя тут. В обратку поедешь, если найдут.

Бли-и-ин. Черт, я и забыла про подаренный коньяк. Чего делать-то? И этому доброхоту я не доверяла. Пока мялась, стояла, подошла моя очередь. Бейсболка быстренько растворилась, не дождавшись моего ответа.

Контролер поставил чемодан на грубо сколоченный лежак, приспособленный под таможенный стол. Открыл. Мама дорогая, у меня сердце задрывало где-то в коленках. Вылечу же сейчас ни за грош собачий. Я сжала зубы. Вид — самый непринужденный. Только в глаза смотреть не надо. Мама всегда говорила, что я врать не умею, — по взгляду все видно.

— Чемоданчик ваш? — сухо спросил контролер.

— Ага. Мой, конечно, я с чужими не езжу. Не имею, знаете ли, такой привычки, — со страху меня понесло. Парень оторвался от списка и глянул на меня внимательно.

— Запрещенное есть? Наркотики? Алкоголь? Лекарственные средства?

В голове помутилось, но последняя фраза буквально вернула меня к жизни, ну и к мозговой деятельности тоже.

— Так я без них не езжу никогда. Конечно, есть!

Контролер посмотрел на меня еще внимательнее. Вопросительно посмотрел. Тьфу ты, дубина стоеросовая, вот чего молочу-то?!

— В смысле, лекарства есть, — пролепетала я. — Ну анальгин там, аспирин, йод, зеленка, бинты тоже есть, — я несла откровенную околесицу. Народ за спиной посмеивался. Парень потерял ко мне интерес.

— Эти не запрещены. Следующий, — равнодушно пробубнил парень. А я на

ослабевших конечностях выкатилась с чемоданом из очереди. Фу-у-уф, пронесло, кажется. Спасен коньяк. Ну и я тоже спасена от изгнания с позором...

Чем дальше я уходила от импровизированной границы с цивилизацией, тем глубже утопали в грязи мои привычные ко всему говноступы и не привычные к такой распутице колесики чемодана. Колесики жалко — отвалятся. Пришлось взять за ручку наперевес. Теперь бы отыскать еще свою вахтовку. Промесив еще минут пятнадцать жирную кашу из глины, земли и снега, я наткнулась на свой номер «19». Ну наконец-то! Рука уже оттянулась под тяжестью чемодана и ныла всеми возможными мышцами и сухожилиями, ноги с трудом передвигались из-за налипшей грязи, я упарилась, и мне захотелось есть. Открываю с облегчением дверцу кабины, а там... А там сидит тетка. За пятьдесят. Неестественно ярко-рыжая, с алой, расползшейся по морщинкам губ помадой. Бижутерия а-ля червонное золото добавила незабываемого антуражу ее образу. Тетка лениво, как корова, перекатывала от скулы к скуле жвачку.

— Тебе чего, детка? — так же лениво процедила дива, не переставая жевать.

— Вообще-то, это мое место. У меня заказано, — я растерялась.

— Тю, заказано у нее. В большой семье ничем не щелкай. Мне тоже на Эльгу. Повар я. А ты помоложе будешь. В кунге ехай, — тетка потянулась, чтобы захлопнуть дверцу.

Не фигу! Усталость разбудила во мне ярость. Я дернула дверь на себя. Тетка, чуть не вывалившись наружу, выставила вперед ногу, обутую в дешевый ширпотребовский сапог.

— Ну-ка, ша, детка. Чем быстрее ты сядешь в будку, тем быстрее поедем. Ферштеен?

Тьфу ты, прости Господи. Ну не драться же мне с ней. Я беспомощно оглядела фургон. По-моему, в таких заключенных перевозят. Даже окон нет. Подошел с путевым листом шофер, поразглядывал мои документы, закинул чемодан в кунг. Меня следом. Навалено черте что. В темноте еле разглядела куда сесть. Ну и ладно. Зато скоро буду в гостинице. А там душ, горячая еда, нормальный сон в кровати. И не возле туалета.

Ехали долго. Я уже потеряла счет времени из-за трясушки. Меня мотало по всему периметру. И если бы не скарб, наваленный внутри, неизвестно, выжила бы я или нет в этой дороге. Но шишек я себе точно набила достаточно, хоть и не мягкотелая. Неожиданно резко машина затормозила, и я клюнула носом в тюфяк, на котором пыталась подремывать, пока дорога была более-менее спокойной. Приехали, что ли? Точно. Послышался скрежет замка, врата ада распахнулись, и свобода дохнула на меня своим живительным запахом. Ну слава богу! Прибыли! Я скинула на руки водителю чемодан и прыгнула молодецки вниз. Пока приземлялась, поняла, что погорячилась с прыжком. Ноги по щиколотку утопли в грязи. В ботинки потянуло холодком осенней северной распутицы. Стало неудобно, и я поспешила отойти от машины в более твердоощущаемое пространство, вытаскивая ноги из хлябей, как цапля из трясины. Наглая поварша, изящно балансируя по еле видимым в сумерках кусочкам суши, отбыла в неизвестном направлении, даже не оглянувшись. Холодно. Изо рта неровными, еще робкими пока клубками, вырывался пар, обещая морозную ночь. Я потащилась в комендантский домик определяться на постой в гостиницу. Потом разберемся с бытом на ближайшие десять дней. А сейчас только спать. В душ и спать, укутавшись в теплое одеялко и уткнувшись носом в пахнущую «Тайдом» наволочку.

В домике коменданта тепло и уютно. Пахнет жареной картошкой с лучком. У меня свело рот, который с готовностью наполнился слюной. Я сглотнула.

— Определите в гостиницу уже, пожалуйста. Спать очень хочется, — просительно прогундосила я, ибо три часа в будке не прошли даром. Нос заложило. Но картошку чувю. Гад. Сидит в тепле, жрет картошку, а я и не знаю, когда до еды доберусь.

— Так ведь, милая моя, — благодушно сложив ручки на животе, начал

комендант. — Нет гостиницы-то. Нет, — он горестно потупился, нетерпеливо поглядывая на сковородку. Тоже жрать хочет, видать. Изверг.

— То есть как — нет? А жить я где буду? — я опешила. Устало присела на чемодан. Да гори оно все синим пламенем...

— Так общежитие у нас есть! А гостиница только для вип-персон сейчас. Так я вам ордерок-то выписываю? Хотелось бы, знаете, уже и отдохнуть. Вечер уж почти на дворе, — комендант засеменял по комнатке, нашел печать, дыхнул на нее отчаянно и ляпнул мне в ордере на заселение сиреневую отметину. Ну, собаки серые, не дай бог, мне там не понравится! Я безропотно взяла записульку и поплелась назад в слякоть и изморось...

Колеса чемодана было уже не жалко, и я остервенением его дергала по грязи, то ли катя, то ли таща волоком. Уже как-то фиолетово на этот чемодан. Мерзкая жижа подмерзла, покрылась тонкой, ненадежной ледяной корочкой, сыто хрюскающей под моими говноступами. Я огляделась. Где-то в километре от меня приветливо подмигивали веселенькие оконца общежития, доносились приглушенные разговоры, усиленные каньонным эхом. Тишина. Но какая-то приглушенная, словно через наушники. На мгновенье подумалось, что нет рядом никого. Что далекая картинка со светящимися окнами — действительно всего лишь картинка, спроецированная неведомым гигантским фильмоскопом. А я одна стою тут посреди дыры Мира и только холодные эльгинские небеса с усталым любопытством поглядывают на меня сверху вниз. «Ну, здравствуй, дружок. Ты хотела увидеть Эльгу? Смотри. Вот она». Смотреть особо было не на что, и я почапала дальше, к своему пристанищу. В пристанище было шумно. Рабочий люд кучковался после смены на кухне, просачивался в душевые, соблюдая строгую очередность и временной регламент. Я не вписывалась ни в кухню, ибо продуктов у меня с собой не было, ни в душ, ибо была не с работы, а значит — «вас тут не стояло». Хоть в комнате не восемь рыл обитало, а всего четыре. Мелочь, а приятно. Все-таки четыре — не восемь. Храпящих, сопящих, сморкающихся, пердящих, разговаривающих во сне, ну и так далее.

Желудок сводил спазм, активно призывал еду. Еды не было. И тут я вспомнила. Мать моя женщина! Где-то были сушки, принудительно рекомендованные мне проводницей. Ай, умничка! Я зауважала в одночасье суровых российских вагоновожатых — просто и со вкусом. На кухне раздобыла кипятку у девчухи с сини-испуганным взглядом — откуда такая тетя-мотя, зачем принесло и на чью голову? Я поблагодарила, и этот эльгинский воробушек сунул мне мандаринку. Видимо, уж очень несчастный вид был у тети-моти. В комнате, сидя на продавленной кровати с казенным жестким одеялом, я размачивала сушки в чае. Соседки на меня не обращали никакого внимания. Переговаривались. Сушили волосы после душа, мазали ногти. Я поежилась. Нет, конечно, я не ждала ничего особенного. Но первая встреча — самая сильная. И верная. И если поезд, крашеную повариху, тряскую дорогу в тюремном фургоне и коменданга я пережила на автопилоте, то остальной антураж вбил огромный гвоздь в гроб моего желания примириться с действительностью. Не так я представляла свою первую встречу с Эльгой. Не так. Накинула куртку, незаметно засунула во внутренний карман коньяк, мандаринку и вышла на улицу. Над крыльцом светил фонарь, разбивая раннюю тьму коротким прямоугольником. Да ну на фиг. Я завернула за угол, подальше от света и случайных глаз. Уселась на завалинке, достала коньяк, мандаринку. Звезды усмехнулись. «Что, дружок, не комильфо? Зато — мечта!» Да идите вы козе в трещину... Я глотала терпкую, обжигающую горло жидкость пополам с непонятно откуда взявшимися слезами, закусывала все это дело долькой мандаринки, курила и думала о том, что мечтам не надо сбываться. Я знала, что испытания машины пройдут на «ура», что через десять дней я вернусь домой, хотя собственным домом мою заваленную охотничьим и дорожным хламом квартиру назвать трудно. Я пила коньяк и плакала, прощаясь со своей мечтой, потому что с мечтой всегда больно расставаться...